

Иван Лукаш

Зелёный остров

RUGRAM

УДК 821.111
ББК 84(4)
Л84

Лукаш Иван.

Л84 Зеленый остров / Иван Лукаш. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 258 с. — (Мир русской фантастики).

И. С. Лукаш (1892–1940) известен как прозаик эмиграции, автор исторических и биографических романов и рассказов. Менее известен Лукаш – фантаст. Значительное место в его творчестве занимают гротеск, мистицизм и фантастика.

Научно-фантастическая повесть «Зеленый остров» (1926), навеянная гипотезами о полярной Земле Санникова.

Повесть «Граф Калиостро» о знаменитом чародее, мистике и авантюристе XVIII века написана Иваном Лукашем в гротескной манере и с большой долей иронии. Основная тема произведения поиски загадочного философского камня.

В состав сборника вошло так же несколько рассказов автора.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91645-0

© Подготовка текста, оформление, Издатель
Иванов В.Ю., 2024
© РИПОЛ классик, оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Зелёный остров

ЗЕЛЁНЫЙ ОСТРОВ

Истинные приключения и страдания русского штурмана Алексея Морозова

Вдоль палубы ударила волна.

Хлынула по ватер-вейсам, пенясь, грохоча, сшибая брезенты и бочки. Пушечным выстрелом в грохоте бури треснула мачта.

«Святой Маврикий» пал на бок в провал волн, храпнув всем корпусом, как тяжелая лошадь.

Нырнул в мутную воду до мачт.

Я ухватил железную дверку, повис, захлебнулся.

«Святой Маврикий» вылетел из волн.

Ключья ливня, грохот, колыхание громад. Нос «Маврикия» взлетел к черному небу, палубы бегут вниз.

Горы океана слились. Миллионы белоголовых старух летят по гребням, космы расхлестаны бурей, схватились в пляшущую цепь злые духи океана, визжащие дьяволы.

Гудя, поднялась над шхуной волна. — Грянула.

Точно свинцовой балкой ударило... С железным скрежетом лопнула винтовая цепь. — Пронеслась удавом, завитым в свистящие дуги.

Железная дверь отпахнулась, удар оторвал и сбросил меня вниз по трапу. Шипя, погналась волна...

Я упал в машинное отделение. Поднялся, хватаясь за горячий котел, — все бежало от рук, тряслось — стонало, — но волна догнала, сшибла. Зазвенели, лопаясь, стекла... И очнулся я от холода на угольях.

В машинной был рассеянный сероватый свет, как в ателье фотографа.

Пролом над головой похож на рваные края люка. Едва мелькнет желтая стрелка корабельного фонаря, точно буря прикрутила фитиль.

Шхуна не стонет и не дрожит.

— Мы стоим, — окликнул я, сам не зная кого. — Шторм кончился?

В машинной черная, жирная вода по колени.

Отблескивает фонарь. Сбитые поршни, еще маслянистые и блестящие, висят, как медные, мертвые пауки. Жерло топки погасло.

Мы потерпели крушение, может быть, день, может быть, неделю тому назад...

Дрожа от страха и холода, пошарил я в темноте. Пальцы наткнулись на мокрые штаны, на кожаную куртку механика.

Он сидит под фонарем. Его тяжелые, как оглобли, руки опущены вдоль тела, голова закинута.

Из пролома звучно и мерно каплет вода.

Разрушение, тишина. Смерть. Может быть, это наши души, еще полные страха и терзаний жизни, прижались друг к другу в замерзающем трюме...

На палубе я зажмурился от холодного сероватого света.

Я тащу механика под мышки.

Ноги мертвеца волочатся по шуршащему углю. В прищуренных глазах — холодная, стеклянная мгла.

Замасленная черная куртка вдавлена на груди, смята, и там куски шерсти, запеклой крови, темного мяса: механику пробило грудь поршневым стержнем.

Кругом — Ледовитый океан.

Слева от корабля бегут синие тучи. Они похожи на синие табуны лошадей, на дикую скачку. Буря ушла...

Через палубу мирно перекачивает волна.

Разрушенная и обледенелая, стала палуба свалкой железного лома, треснувших бочек, досок. Обрывки снастей треплются по ветру, как вороха чудовищных волос.

Открыта настежь доска больверта. Я скрестил мертвецу на груди руки, завязал ему лицо его же курткой из чертовой кожи и крепко прикрутил к ногам тяжелый шатун.

И когда, ногами вперед, медленно, как бы в раздумье, мертвец стал двигаться от толчка к борту с перекатной волной, я снял шапку и, утирая мокрым мехом лицо, громко прочел «Отче наш».

Голова мертвеца долго носилась по темным волнам у самого борта. Рыжеватые волосы гладко откинута водой назад. В последний раз я заметил на бледном лбу глубокие черные морщины, куда въелся уголь...

У винтового ворота, у груди заскорузлых, скрипящих на ветру брезентов лежит Никодим.

Он без шапки, точно спит. Его светлые волосы, стриженные по-морски в кружок, вода причесала ко лбу. Рот открыт. Я нагнулся: по краю губ течет темная кровь...

Волна мирно ходит по палубе, заливая светловолосого нашего плотника Никодима, безбородого парня. Я потянул на него брезент. Он ломится под пальцами, примерз.

А у кубрика за камбузным шкафом — насмешка бури — баки с водой даже не помяты и крышки плотно привинчены.

Когда шхуна легла из пролива Железных Ворот к Калгуеву острову, я сам привинтил крышки: бежали навстречу седые гряды, точно цепи белых солдат неслись на приступ из океана и я был уверен тогда, что нас будет трепать.

Я обошел шхуну, вернулся к брезентам.

Никодим уже не лежал там. Парня смыло волной.

Рулевой, латыш Берзинь, лоцман Иван, этот не то норвежец, не то немец Адам Дубсен и капитан-хозяин шхуны, — еще четверо должны быть на корабле.

— Гей, кто жив, выходи, гей, гей!

Только вода журчит, только шумят космы сорванных снастей. Обмерзлая шхуна молчит...

Пустыня неба, пустыня вод. Всех смыло... Гибель... Я сухо, как собака, завыл.

И от воя кто-то другой, неистовый, крепкий разогнулся во мне, — зверь сильный, живой, вопиющий, вечный зверь-человек...

— Спасите! — звал я и все мускулы судорожно сжимались, топали, бесились, выли во мне.

Я бросился вниз.

Железной лопатой зашвырял уголь в холодную топку, — голый, захлебываясь потом.

Уголь гремел.

Точно тысячи сумасшедших, голых и скользких склонялись и выпрямлялись во мне, гремя железной лопатой о чугунную заслонку. Я бросил в топку горящий фонарь — пламя вспыхнуло, лизнуло тьму... Огонь...